

Введение

В наши дни Андрей Платонов – один из наиболее изучаемых и, тем не менее, по-прежнему один из наиболее перспективных для изучения писателей XX века. И это вполне объяснимо. По словам Валентина Распутина, «в русской литературе двадцатого столетия Андрей Платонов – самый самобытный писатель, самый тревожный и один из самых чутких ко всему происходящему. Он и в великости своей стоит не в ряду, а особняком».¹

Как известно, особый всплеск интереса к жизни и творчеству Андрея Платонова наметился с конца 80-х – начала 90-х годов, когда были опубликованы ранее запрещенные в нашей стране произведения писателя: роман «Чевенгур», повести «Котлован» и «Ювенильное море», публицистика, рассказы и пьесы, воспоминания о Платонове, после чего творчество Андрея Платонова вошло в научную и культурную жизнь страны как один из важнейших компонентов, предмет исследования и художественного осмысления. Об особом интересе к писателю за минувшие пятнадцать лет свидетельствует и следующая статистика. В 1970 году в Воронеже в сборнике работ, посвященных Платонову, был опубликован библиографический указатель, учитывающий литературу о его жизни и творчестве с 1922 по 1968 год и содержащий 187 наименований.² В 2001 году в Москве был выпущен очередной указатель, изданный уже отдельной книгой, в котором представлены ссылки на 2325 работ, причем список этот далеко не полный³ (так, к примеру, туда не включены статьи и публикации, вошедшие в четвертый, юбилейный, сборник “«Страна философов» Андрея Платонова” и многие другие работы). К творчеству Андрея Платонова стали обращаться представители самых разных творческих и научных специальностей: писатели (такие, как С. Залыгин, В. Распутин, Ю. Нагибин, Е. Долматовский, О. Павлов; последний даже создал в интернете сайт, посвященный Платонову – «Платоновскую энциклопедию»), поэты (И. Бродский, Ю. Мориц, К. Ваншенкин, Е. Новичихин), кинорежиссеры (А. Сокуров, А. Михалков-Кончаловский, Р. Эсадзе; следует, кстати, отметить, что первый фильм по произведениям Платонова – «Айна» – был снят еще при жизни автора, в 1931 году, по мотивам рассказа «Песчаная учительница»), театральные режиссеры (Л. Додин), философы (Ю. Н. Давыдов, В.

¹ Распутин В. Свет печальный и добрый // «Страна философов» Андрея Платонова: Проблемы творчества. Выпуск 4. Юбилейный. М.: ИМЛИ РАН, «Наследие», 2000. С. 9.

² Митракова Н. М. Литература о жизни и творчестве А. Платонова // Творчество Андрея Платонова: Статьи и сообщения. Воронеж, 1970. С. 231 – 240.

³ Андрей Платонович Платонов: Жизнь и творчество: Библиографический указатель произведений писателя на русском языке, опубликованных в 1918 — январе 2000 года. Литература о жизни и творчестве / Рос. Гос. б-ка; Сост.-ред. В. П. Зарайская; Науч. конс. Н. В. Корниенко. М.: Пашков дом, 2001. С. 20 – 294.

Подорога, Л. Карасев, К. Г. Исупов), историки (М. Геллер; его книга о Платонове была написана за рубежом и увидела свет в 1982 году, а в нашей стране была опубликована в 1999 г.), художники, скульпторы, музыканты. Если же говорить о литературных критиках, количество работ которых о Платонове вряд ли поддается исчислению, то следует отметить, что в первые «перестроечные» годы интерес к автору «Сокровенного человека» носил преимущественно идеологический характер. В его произведениях многие старались увидеть нечто такое, что подтверждало бы политологические концепции времени. Это несомненное свидетельство, что творчество Андрея Платонова в очередной раз попало «в струю» эпохи (до этого небывалый всплеск интереса к писателю был отмечен в так называемый период «оттепели», после публикации в 1958 году сборника рассказов Платонова в издательстве «Советский писатель» и последующих его книг). С конца 1980-х годов произведения Платонова издавались огромными тиражами, при этом, естественно, издателям было не до выяснения вопросов, насколько то, что они публикуют, соотносится с подлинными текстами писателя – спрос на его книги был и так велик. Тем не менее, в наиболее крупных центрах по изучению творчества Платонова (это Институт мировой литературы в Москве, Институт русской литературы (Пушкинский Дом) в Санкт-Петербурге, Воронежский университет) еще задолго до очередного всплеска читательского интереса к Платонову существовало понимание огромной важности тщательного текстологического анализа его произведений и необходимости их издания в виде, очищенном от редакторских вмешательств, зачастую сильно искажавших авторский стиль и, соответственно, смысл.

В начале 1980-х годов Михаил Геллер, говоря об издании платоновских текстов в Советском Союзе, выдвинул остроумное сравнение: «Один из колоритнейших персонажей «Котлована», инвалид Жачев, потерял во время мировой войны обе ноги и передвигается на колясочке. Творчество А. Платонова, доступное советским читателям, пострадало гораздо серьезнее инвалида Жачева: ему ампутировали не только ноги, но и руки, и ему очень серьезно повредили голову. Причины такого членовредительства очевидны: поставленное на колесики туловище платоновского творчества может быть двинуто в любом направлении».¹ Если развить это сравнение, то можно сказать, что в конце 80-х – начале 90-х годов издатели и критики-публицисты подвергли творческое наследие Андрея Платонова очередной «косметической операции» и «двинули» в нужном тогда направлении, в результате чего автор «Чевенгура» был представлен массовому читателю едва ли не первым писателем-диссидентом или, как минимум, «антисоветчиком».

¹ Геллер М. Я. Андрей Платонов в поисках счастья. М.: Издательство «МИК», 1999. С. 7.

Разумеется, отношение Платонова к социальным катаклизмам его времени вовсе не так однозначно, как казалось многим в те годы. Первое, что необходимо было сделать, чтобы прояснить позицию писателя, – прочитать именно платоновские тексты – тексты, очищенные от многочисленных редакторских вмешательств. О том, насколько даже эта задача является нелегкой, говорит само название работы одного из ведущих российских специалистов в области текстологии и изучения творчества Платонова – Н. В. Корниенко.¹ В этой статье исследовательница отмечает: «Редакторы правили Платонова и при жизни, и после смерти. Причем, направления правки в 1960-е и 1980-е гг., повсеместно названные «возвращением Платонова», отличались тем, что полностью игнорировали авторскую волю. Автор Платонов ответить им просто не мог. Эта «борьба с Платоновым», «убийство Платонова» (определения Марии Александровны Платоновой) были ничем иным, как проявлением борьбы с большой русской литературой»².

Начиная с 60-х годов и до 1986 года произведения Андрея Платонова издавались по меркам того времени довольно часто – всего было выпущено свыше 30 сборников писателя, в том числе и трехтомное собрание сочинений. В последующие годы, когда в нашей стране резко возрос читательский и исследовательский интерес к автору «Сокровенного человека», за четырнадцать лет к 2000 году число наименований отдельных книг, содержащих произведения Платонова, дошло до пятидесяти. Но при том, что книги писателя издавались огромными тиражами, а некоторые вошли даже в школьную программу, – неизменно сохранялась одна особенность: почти все произведения Платонова печатались в текстологически не выверенном виде. Иногда ситуация доходила до абсурда. Так, в 1998 году в историко-литературном комментарии к первому тому пятитомного собрания сочинений Платонова, подготовленному к 100-летию со дня рождения писателя в московском издательстве «Информпечать», В. А. Чалмаев и Ю. В. Тихонов отмечали, что планируют опубликовать тексты Платонова с учетом источниковедческих трудов Е. А. Яблокова, Н. В. Корниенко, материалов выпусков «Страна философов» и проч.³ Однако на деле оказалось, что почти все произведения Платонова оказались представлены в этом издании в том же виде, что и раньше, со всеми известными опечатками, ошибками, искажениями и без всякого учета текстологической работы тех специалистов, благодарности которым поспешили выразить редакторы собрания. В результате после выхода первых двух книг возникла конфликтная ситуация и издание последующих томов было приостановлено. Н. В. Корниенко так

¹ Корниенко Н. В. Наследие Платонова — испытание для филологической науки // «Страна философов» Андрея Платонова: Проблемы творчества. Вып. 4. М.: Наследие, 2000. С. 117 — 137.

² Там же. С. 120.

³ Платонов А. П. Собрание сочинений. Т. 1. М.: Издательство «Информпечать» ИТРК РСПП, 1998. С. 562.

прокомментировала эту ситуацию: «Вместо возвращения к авторскому оригиналу искаженных прижизненной редактурой текстов на них напластовывалась новая правка. Пример филигранной в своей изощренности правки являет впервые опубликованный на Западе в 1970 году текст повести «Котлован». При первой публикации «Котлована» в России был использован тот же источник, по которому повесть публиковалась за рубежом. И как следствие – критика и филологическая наука продолжала и на Западе, и в родном отечестве работать с текстами, не выдерживающими элементарной текстологической критики... В «юбилейном» пятитомнике, с которым в 1998 году вновь дебютировал «вечный» В. Чалмаев, в комментариях и в предлагаемых платоновских текстах явлен весь кошмар, в который мы погрузили «слово» Платонова».¹ Таким образом, приходится признать, что подавляющее большинство работ, посвященных творчеству Андрея Платонова, базируется на невыверенных текстах; выводы исследователями зачастую делаются из фраз и слов, писателю не принадлежавших или прошедших сильнейшую редакторскую правку. Особенно это замечание относится к тем, кого привлекает «идеологическая» проблематика произведений автора «Чевенгура» (так, «Сталин» часто заменялся на «Ленин» и проч.), а в еще большей степени – к исследователям платоновского стиля, открывающих нередко закономерность там, где взгляд текстолога видит очевидное вмешательство редактора. К сожалению, в результате отсутствия на тот момент текстологически выверенного издания произведений писателя, подобного рода ошибки оказались неизбежны и в написанной нами совместно с А. Г. Гуциным монографии, посвященной «Котловану».²

Ситуация с изданием текстов Андрея Платонова стала кардинально меняться после выхода в 1995 году сборника его произведений «Взыскание погибших»³, где был опубликован вариант «Котлована», отличный от расхожей версии, и появления в 1999 году еще одной книги Платонова – «Счастливая Москва»⁴, в которой были исправлены многочисленные ошибки и неточности текстов писателя. Но подлинной революцией в издании платоновских текстов стала публикация в 2000 году в издательстве «Наука» повести «Котлован» и материалов, связанных с его творческой историей. В редакторском предисловии к книге отмечалось: «Подготовка и издание неискаженных, тщательно выверенных платоновских текстов является важнейшей задачей литературной науки и

¹ Корниенко Н. В. Невозвращение Платонова: К столетию со дня рождения писателя // Литературная газета. 1999. № 35 (1 – 3 сентября). С. 11.

² Булыгин А. К., Гуцин А. Г. «Плач об умершем Боге»: Повесть-притча Андрея Платонова «Котлован». СПб.: Борей-принт, 1997.

³ Платонов А. П. Взыскание погибших: Повести. Рассказы. Пьеса. Статьи / Сост. М. А. Платоновой; Вступ. ст. С. Г. Семеновой; Биохроника, коммент. Н. В. Корниенко. М.: Школа-Пресс, 1995.

⁴ Платонов А. П. Счастливая Москва: Повести. Рассказы. Лирика / Сост., подгот. текста М. А. Платонова; Послел. Н. Корниенко. М.: Гудьял-Пресс, 1999.

одновременно необходимой предпосылкой для дальнейшего успешного развития платоноведения. Академическое издание повести А. Платонова «Котлован», подготовленное коллективом сотрудников ИРЛИ (Пушкинский Дом) РАН, преследует цель восстановить подлинный текст повести, без тех наслоений и деформаций, которым он подвергся при прежних его публикациях – как зарубежных, так и российских... Особенностью данной публикации «Котлована» состоит в том, что читателю предоставляется возможность получить сведения о реальных источниках текста и проследить его изменение на всех этапах работы автора над повестью».¹

В результате долгой кропотливой работы филологов из Санкт-Петербурга был воссоздан «канонический» текст «Котлована». При этом в издании нашел отражение и процесс создания Платоновым его знаменитой повести, проанализированы многочисленные фрагменты, представляющие огромный интерес, но не вошедшие в основной текст произведения, установлена связь «Котлована» с малоизвестными широкому читателю произведениями Платонова: киносценарием «Машинист», очерком «В поисках будущего (Путешествие на Каменскую бумажную фабрику)». Одновременно это издание «Котлована» стало этапным и для текстологии: в нем апробированы некоторые текстологические принципы, которые будут служить образцом для многих поколений исследователей (по грандиозности поставленных и решенных задач это издание «Котлована» можно сравнить разве что с изданием «Путешествия из Петербурга в Москву», подготовленным В. А. Западным, который учел 96 списков произведения А. Н. Радищева!²). При интересе к творчеству А. Платонова невозможно игнорировать и всю подготовительную работу писателя над окончательным вариантом текста.

Таким образом, можно сказать, что на сегодняшний день проблема подлинности и выверенности текста «Котлована» в принципе решена, и все последующие издания повести А. Платонова обязаны этот факт учитывать. Начало научному изданию произведений писателя положено, хотя, к сожалению, следует признать, что это касается пока только «Котлована»: аналогичная работа необходима и в отношении многих других платоновских произведений.³ Однако именно то обстоятельство, что после тщательной работы петербургских специалистов был опубликован текст «Котлована», который

¹ Платонов А. П. Котлован. Текст. Материалы творческой истории. СПб.: Наука, 2000. С. 3. В дальнейшем все цитаты текста повести даются по этому изданию, при этом они выделены курсивом. Те фрагменты, на которое мы обращаем особое внимание, отмечены полужирным курсивом. Номера страниц указываются в квадратных скобках после цитаты.

² Радищев А. Н. Путешествие из Петербурга в Москву. Вольность / Издание подготовил В. А. Запад. Санкт-Петербург: Наука, 1992.

³ О текстологических проблемах, возникающих в связи с изданием произведений А. Платонова, см.: Корниенко Н. В. История текста и биография А. П. Платонова (1926— 1946) // Здесь и теперь. 1993. №1. С. 1 — 320.

заметно отличается от ранее известных версий, ставит перед необходимостью по-новому взглянуть на произведение А. Платонова, осмыслить «Котлован» как идейно-художественное целое, при этом, разумеется, учитывая несомненные научные достижения тех исследователей, которые вынуждены были использовать предшествующие издания повести.

В настоящей работе рассматриваются некоторые вопросы поэтики и проблематики «Котлована», в первую очередь, – его жанрово-композиционное своеобразие и мифопоэтический подтекст. Эта повесть Андрея Платонова – одно из самых сложных и многозначных произведений во всей мировой литературе, и мы вполне отдаем себе отчет в принципиальной невозможности в рамках одной работы осветить все аспекты заявленной темы. Каждый, кто внимательно читает платоновский текст, видит в нем неисчерпаемые глубины смыслов, а перечитывая его – открывает в нем все новые и новые грани. В настоящей работе рассматриваются лишь некоторые проблемы, имеющие, однако, особую для изучения произведения Платонова значимость. В первой части исследования анализируются композиционные принципы «Котлована» в связи с кругом тех идей, которые представлены в повести эксплицитно. На основании полученных данных формулируется вывод о *жанровой разновидности* «Котлована», что мотивирует возможность рассмотрения иных аспектов повести, характерных именно для произведений подобного рода. Вторая часть нашей работы посвящена выявлению некоторых мифологем, присутствующих в произведении А. Платонова, связи «Котлована» с христианской тематикой и проблематикой, а также взаимоотношений художественного мышления писателя с концепцией творческого процесса, представленной в трудах выдающегося швейцарского психолога Карла Густава Юнга, во многом позволяющей понять феномен необычайно сильного воздействия произведений Платонова. Третья часть работы переходит на иной уровень анализа – уровень функциональной значимости микроэлементов текста; она посвящена выявлению роли имен в идейно-художественной структуре «Котлована».

Исследователи неоднократно и справедливо отмечали, что все основные произведения Платонова связаны между собой не только общей языковой стихией, но и кругом затрагиваемых проблем и вопросов, многие персонажи типологически близки даже в произведениях, хронологически отдаленных друг от друга. Критическая литература по этому поводу необъятна. По словам В. Вьюгина, «постоянство Платонова ощущалось всегда: современниками, которые упрекали писателя в извечной, набившую оскомину убогости героев и пристрастия к маргинальным темам; исследователями более позднего времени, в чьих работах на первый план выдвигается проблема «навязчивых»,

повторяющихся мотивов и переходящих из текста в текст «образов-категорий». Каждое последующее платоновское произведение, пусть иного жанра, пусть его внешний сюжет посвящен совершенно иным событиям, есть продолжение разговора о проблемах, поставленных ранее, подчас очень давно. «Котлован» в этом смысле не исключение».¹ Мы сразу должны оговориться, что не будем акцентировать внимание на вопросах связи «Котлована» с другими произведениями Платонова – такой путь, на наш взгляд, уже сам по себе способен привести к диссертационному исследованию, – и ограничимся по преимуществу изучением имманентной структуры повести, хотя это в значительной мере и обедняет предмет анализа.

Следует отметить, что указанные проблемы уже становились предметом исследования. В первую очередь здесь необходимо назвать две принципиальные для изучения повести Платонова работы А. А. Харитонова, одна из которых посвящена архитектонике «Котлована»,² другая – вопросу о значении в нем имен,³ статью Валерия Вьюгина,⁴ а также работу исследователя из Краснодара Юрия Пастушенко.⁵ Характерная черта указанных работ – внимание исследователей не только к платоновскому тексту, но к тем трансформациям, который он претерпевал до момента окончания работы писателя над повестью, а также привлечение богатейшего культурно-исторического материала, помогающего по-новому взглянуть на многие проблемы. В то же время нельзя не учитывать, что богатство смыслов, аллюзий, художественных прозрений, которое явлено в «Котловане», оставляет возможность еще многим поколениям исследователей изучать произведение Платонова и открывать в нем все новые и новые грани. Таким образом, признавая несомненный вклад отечественных и зарубежных ученых в постижение одного из самых загадочных произведений русской литературы, мы считаем, что многое еще в «Котловане» (как, впрочем, и в других произведениях Платонова) «сокрыто», многое требует дальнейшего анализа, и на этом пути трудно представить конечный пункт.

Методологическими основами настоящей работы являются принципы и традиции подхода к тексту, берущие начало в трудах А. Н. Веселовского и позднее развитые в работах В. М. Жирмунского, В. Я. Проппа, А. П. Скафтымова, М. М. Бахтина, Д. С. Лихачева, а также принципы мотивного анализа, сформулированные в трудах Б. М.

¹ Вьюгин В. Ю. Повесть «Котлован» в контексте творчества Андрея Платонова // Андрей Платонов. Котлован: Текст. Материалы творческой истории. СПб.: Наука, 2000. С. 6.

² Харитонов А. А. Архитектоника повести А. Платонова «Котлован»: К творческой истории повести А. Платонова «Котлован» // Творчество Андрея Платонова. СПб, 1995. С. 70 — 90.

³ Харитонов А. А. Система имен персонажей в поэтике повести «Котлован» // «Страна философов» Андрея Платонова: проблемы творчества. М., 1993. С. 152 — 172.

⁴ Вьюгин В. Ю. «Чевенгур» и «Котлован»: Становление стиля Платонова в свете текстологии // «Страна философов» Андрея Платонова: Проблемы творчества. Вып. 4. М.: Наследие, 2000. С. 605 — 624.

⁵ Пастушенко Ю. О мифологической природе образа у Платонова // «Страна философов» Андрея Платонова: Проблемы творчества. Вып. 4. М.: Наследие, 2000. С. 339 — 344.

Гаспарова, А. Жолковского и др. Упомянутые литературоведы активно синтезировали разнообразный теоретико-литературный опыт как прошлого, так и современности. Мы полностью согласны с мнением специалиста в области теории литературы В. Е. Хализева, который писал: «Отечественная наука о литературе ныне освободилась от принудительного пресса марксистской социологии и концепции социалистического реализма как высшего этапа литературы, от методологической жесткости, которая декретировалась сверху. И сейчас не надо отдавать себя в плен иного рода монистическим построениям, будь то культ чистой формы либо безликой структуры, или постфрейдистский «пансексуализм», или абсолютизация мифопоэтики и юнговских архетипов, или, наконец, сведение литературы и ее постижений (в духе постмодернизма) к ироническим играм, разрушающим все и вся. Автор считает, что сегодняшней теории литературы следует быть максимально открытой, «распахнутой» навстречу самым разным концепциям и при том критичной к любому направленческому догматизму».¹

Несмотря на то, что мы не принимаем ни одного из современных методов анализа в качестве исключительного, все же в наши дни невозможно не учитывать богатейший опыт исследования художественного творчества, полученный в XX веке представителями самых разных специальностей: филологов, историков, психологов, философов, искусствоведов. Так, неожиданное сходство в понимании сущности творческого процесса можно обнаружить, как будет видно далее, у столь далеких друг от друга авторов, как Андрей Платонов и Карл Густав Юнг. В одно и то же время советский писатель и швейцарский ученый, обращаясь к феномену искусства, говорили в принципе об одном и том же – один на языке науки, другой – языком образным. Не абсолютизируя юнговский мифопоэтический метод, мы все же не можем обойти молчанием факт его актуальности и действенности для анализа произведений автора «Котлована».

Говоря о методе нашего исследования, нельзя не отметить, в начале 90-х годов подход многих критиков к платоновским текстам можно было назвать «дедуктивным»: к уже сформулированной идее подыскивались в творчестве Платонова нужные цитаты, которыми эти идеи подтверждались. И лишь немногие исследователи в те годы прибегали к «индуктивному» методу: от тщательного анализа текстов – к обобщению, выявлению авторской позиции и лишь после этого – формулированию выводов, зачастую идущих вразрез с тем, что видели в творчестве Платонова публицисты-идеологи.² И первое, что отличало исследователей-аналитиков, опирающихся в первую очередь на платоновский

¹ Хализев В. Е. Теория литературы. М.: Высшая школа, 1999. С. 10.

² Например, образцы научного «неконфессионального» подхода продемонстрированы в статьях, вошедших в сборники: Творчество Андрея Платонова: Исследования и материалы. Библиография. СПб.: Наука, 1995; и: Творчество Андрея Платонова: Исследования и материалы. Книга 2. СПб.: Наука, 2000.

текст, а не на популярные политические концепции, это понимание того, что художественный мир Андрея Платонова принципиально отличен от тех художественных реальностей, которые создали его современники: Шолохов, Бабель, Зощенко, Олеша, Фадеев и др. И дело здесь не в различии творческих возможностей этих авторов или их идейных позиций. Речь идет о том, что Платонов явился основоположником, творцом и завершителем целого художественного метода, предполагавшего свои каноны изображения человека и окружающего его мира. Действительность в произведениях писателя не «отражается», но «переводится» на свой язык, в особые формы, теряя многие признаки реальности и обретая при этом новые свойства, принципиально невозможные в предметно-бытовом мире. Именно поэтому в отношении героев Платонова абсолютно недопустимы характеристики, подобные тем, которые дает, например, В. Чалмаев: «...все делается этими людьми, верными своей идее жизни, неискушенными, наивными и порой жестокими как дети, с редкой категоричностью, максимализмом решений, с четко заявленной потребностью резкого волевого изменения всего мироздания... Нарочито-конфузный язык Платонова помогает раскрыть эту трагедию волюнтаризма, мук неведения».¹ Не вполне понятно, что имеет в виду В. Чалмаев, называя язык Платонова «нарочито-конфузным». Отметим, что он ничему не «помогает». Язык в произведениях Андрея Платонова *создает*. Инверсии, канцеляризмы и проч. – это не средства, к которым прибегает автор для лучшего раскрытия идеи. Это плоть и кровь платоновского мира, без которых рушится вся его художественная система. Можно, например, «перевести» любую сцену «Котлована» на язык причинно-следственных реальных отношений: ситуация моментально превращается в гиперболизированный несуразный шарж. Можно ли представить себе человека, которому от скуки захотелось умереть, и он спокойно это делает, сам себе остановив сердце. Вне платоновского мира это выглядит абсурдным. В художественной же системе «Котлована» – это необыкновенный по силе воздействия трагический эпизод, повествующий о глубинных онтологических процессах крушения целого мира. Абсурдной в обывательском смысле слова ситуации соответствует и язык писателя, который далеко выходит за привычные рамки. Не случайно, платоновский язык, его загадки непрестанно привлекают исследователей, многие из которых считают, что язык Платонова – это не столько отклонение от нормы, о чем неоднократно писалось, сколько *развитие* нормы русского литературного языка, связанной с глубинными идеологическими и художественными процессами XX столетия.²

¹ Чалмаев В. А. Андрей Платонов: К сокровенному человеку. М.: Современник, 1989. С. 354.

² Харитонов А. А., Колесова Д. В. I – IV Платоновские семинары в Пушкинском Доме (1990 – 1994) // Творчество Андрея Платонова: Исследования и материалы. Библиография. СПб.: Наука, 1995. С.304.

Еще в 1920 году, на заре своей творческой деятельности, на вопрос анкеты Первого Всероссийского съезда пролетарских писателей: «Каким литературным направлениям вы сочувствуете или принадлежите?», – Платонов ответил: «Никаким, имею свое». Действительно, можно сказать, что Платонов – писатель, не имеющий «параллелей» среди современных ему прозаиков. Поэтому было бы большой ошибкой подходить к платоновским героям как к обычным литературным персонажам, ибо эти герои – из принципиально иного мира («постороннего пространства», говоря словами Платонова), они существуют по особым законам, отличающимся во многом от человеческих, но все же затрагивающим самую суть бытия, как бы освобожденного от всего наносного и акцидентного. Нельзя не согласиться с М. Немцовым, заметившим, что герои Платонова – «существа из какой-то иной, параллельной Вселенной, обученные русскому языку, – поражают одновременно своей очевидной невозможностью и неоспоримой правдой».¹ Только учитывая эту особенность платоновского художественного мышления, можно приступать к плодотворному анализу текстов писателя.

Тем не менее, вполне очевидна связь художественной реальности произведений А. Платонова и современной писателю действительности. Об этой связи можно прочитать в таких работах, как комментарии Е. Яблокова к «Чевенгуру»,² Н. Дужиной,³ вступительной статье и примечаниях к «Котловану», подготовленным сотрудниками Пушкинского Дома⁴ и многих других. В первую очередь, эта связь заметна в словесных формулах, которыми оперирует автор «Котлована» и которые, правда, зачастую предстают в его сочинениях в сильно трансформированном виде. Здесь можно назвать такие понятия, как «генеральная линия», «кулак», «средняк», «буржуй», «бюрократ» и другие. Не трудно убедиться, что платоновский «буржуй» – это совсем не то же самое, что «буржуй» у Блока или Маяковского, и далеко не всегда имеет очевидное, казалось бы, отношение к буржуазии как к классу. Более подробно об этом будет сказано ниже.

В «Котловане», как известно, практически нет однозначных оценок (это совсем не значит, что сам автор повести не имел вполне определенной позиции). Реальная жизнь страны того времени была далека от каких бы то ни было схем – как от официальных, так и от эмоционально окрашенных рассказов участников процесса «раскулачивания» (при этом заметим, что эпизоды, в которых описывается разрушение деревни и создание

¹ Немцов М. Герои повести «Котлован» как система персонажей // «Страна философов» Андрея Платонова. М., 1995. С. 173.

² Платонов А. П. Чевенгур: [Роман] / Сост., вступ. ст., коммент. Е. А. Яблокова. М.: Высш. шк., 1991. С. 518 – 650.

³ Дужина Н. «Действующие люди» (Проблемы текстологии пьесы «Шарманка») // «Страна философов» Андрея Платонова: Проблемы творчества. Выпуск 4. Юбилейный. М.: ИМЛИ РАН, «Наследие», 2000. С. 562 – 583.

⁴ Платонов А. П. Котлован. Текст. Материалы творческой истории. СПб.: Наука, 2000. С. 5 – 20 и 140 – 164.

«Колхоза имени Генеральной линии», в числе наиболее трагичных во всей повести Платонова). Не отразить какую-либо «тенденцию», но понять, что же в его отечестве происходит на самом деле, что стоит за социальными и онтологическими процессами, докопаться до Истины – вот каковы, вероятно, были задачи А. Платонова в процессе работы над «Котлованом». По словам современного исследователя, «документы свидетельствуют, что "Чевенгуру", "Котловану", "Ювенильному морю" предшествовал кропотливый жесткий анализ культурных, нравственных исторических последствий социально-экономических преобразований деревни».¹ В записных книжках писателя можно найти следующие слова, достаточно красноречиво свидетельствующие о том, насколько далека была позиция Платонова от каких-либо официальных схем, насколько остро он ощущал абсурдность многих социальных преобразований: «Составлялись сводки, по которым видно, что обобществлению не подлежит только воробей»²; «Раскулачили за то, что проживает девой»³. В остросатирической пьесе Платонова «Шарманка» «подкулачнице» объявляется даже сама природа – за отсутствие «планового начала».⁴ В платоновском сценарии кинофильма «Машинист», ситуация в деревне представлена не просто как социальная катастрофа, но как стихийное бедствие, затронувшее все мироздание и нарушившее естественные законы. В гораздо более жутком виде картина гибели деревенского уклада жизни изображена в «Котловане».

Отметим, что обе даты, стоящие под повестью, связаны именно с событиями в деревне, точнее, с вмешательством в ее жизнь: «декабрь 1929 — апрель 1930». По словам М. Золотоносова (впервые эти даты прокомментировал М. Геллер), они «весьма недвусмысленно указывают на те исторические события, которые обрамляют действие повести. Декабрь 1929 года — начало "развернутого наступления на кулака", выступление Сталина на конференции аграрников-марксистов, которое похоронило всякое инакомыслие в области сельскохозяйственной и экономической науки. Апрель 1930 года — появление в "Правде" лицемерной статьи Сталина "Ответ товарищам колхозникам"».⁵

Заметим, что в настоящее время ученые-платоноведы, опираясь на различные варианты рукописей и машинописей «Котлована», а также на записные книжки писателя, не считают эти две даты реальным сроком создания повести – они были внесены Платоновым красным карандашом на титул второй машинописной редакции взамен

¹ Корниенко Н. В. «...Сохранить в неприкосновенности» // Новый мир. 1991. № 1. С. 7 – 8.

² Платонов А. П. Записные книжки. Материалы к биографии. Публикация М. А. Платоновой. Составление, подготовка текста, предисловие и примечания Н. В. Корниенко. М.: «Наследие», 2000. С. 34.

³ Там же. С. 25.

⁴ Платонов А. П. Взыскание погибших: Повести. Рассказы. Пьеса. Статьи / Сост. М. А. Платоновой; Вступ. ст. С. Г. Семенов; Биохроника, коммент. Н. В. Корниенко. М.: Школа-Пресс, 1995. С. 543.

⁵ Золотоносов М. «Ложное солнце» («Чевенгур» и «Котлован» в контексте советской культуры 1920-х годов) // Андрей Платонов: Мир творчества. М., 1994. С. 270.

вырезанного первоначального варианта. «Именно отсюда эти даты по недоразумению будут перенесены в архивную графу «крайних дат», а затем разойдутся по многочисленным статьям и публикациям, став, таким образом, традиционным (и ошибочным!) обозначением времени работы писателя над повестью».¹

Тем не менее, то, что Платонов счел необходимым указать эти даты, само по себе уже достаточно красноречиво говорит о принципиальной связи «Котлована» с реальной жизнью страны. Реакция Платонова на действия устроителей и апологетов идеологии «победившего социализма» поражает своей смелостью: это целый ряд произведений, часть из которых при жизни автора так и не была опубликована, другая же часть стала причиной громких скандалов. Оголтелая травля писателя после публикации «Впрок» и «Усомнившегося Макара» возникла не на пустом месте — помимо очевидно критического пафоса этих произведений, в них присутствовало пародийное «пересоздание» многих совершенно конкретных высказываний «классиков» марксизма, что не могло не быть замечено, правда, акцентировать на этом внимание критики тогда не решились (например, никто не осмелился «вознегодовать» на то, как писатель «перевел» на свой язык ленинскую статью, которую в психиатрической клинике читают герои рассказа «Усомнившийся Макар»). Как показали современные исследования, «Котлован» также буквально пронизан аллюзиями ко вполне конкретным идеям и документам того времени.

Тем не менее, практически во всех произведениях А. Платонова, как отметил Томас Сейфрид, исторические реалии «обязательно вплетаются в сложный узор других тематических мотивов и художественных образов, которые при ближайшем рассмотрении и оказываются основными и относятся скорее к категории философских, нежели социально-политических тем».²

Прежде, чем приступать к анализу текста, необходимо остановиться на двух понятиях, введение которых нам кажется принципиальным для дальнейшего исследования: «моносознание» и «моносистема», которые впервые были введены в научный оборот Б. Расселом. Моносознание — форма мышления, т. е. сознания (движения знания), основывающаяся на принципе единственности, принятом или навязываемом априорно как единственном из возможных принципов. Моносознание, как это ни парадоксально, проистекает из дуализма — из понимания мира как двух противоборствующих сил, одна из которых рассматривается как истинная, несущая правду, свет, а другая — воплощение «злого» начала. Эта логика сохраняется и тогда, когда сталкиваются две моносистемы, несущие противоположные по содержанию "добро"

¹ Платонов А. П. Котлован. Текст. Материалы творческой истории. СПб.: Наука, 2000. С.119.

² Сейфрид Т. Писать против материи: о языке «Котлована» Андрея Платонова // Андрей Платонов. Мир творчества. М.: Современ. писатель, 1994. С. 304.

и "свет". Моносистема — есть любой орган, организация, структура, представляющая *одно* или основывающиеся на *одном* начале, *одном* принципе, и провозглашающая либо уникальность, единственность своего основоположения, либо единственность своей цели, либо единственность себя. В любом случае и система, и ее деятельность, и цели, и мотивы сводятся в одно — в то, что является единственным истинным либо в результате божественного откровения, либо по логике истории, либо по требованию нации, класса, и т. п. Иначе говоря, моносистемой можно считать такие воплощения идеологических форм, как иудаизм (где во главу угла поставлен национальный принцип – отстаивание интересов единственного, «избранного» народа), коммунизм (социальный принцип, декларирующий исключительность *одного*, «передового» класса), фашизм (в основе – привилегия «высшей» расы), ислам (единый бог Аллах, благословляющий, в частности, священную войну против «неверных»), и даже – как ни парадоксально – христианство, несмотря на провозглашаемую идею Троицы: в Новом Завете можно неоднократно встретить фрагменты, показывающие, что и здесь присутствует идея избранности (тех, кто последовал за Иисусом и принял его учение как принцип жизни; хотя и это, надо сказать, согласно Евангелиям, не гарантия «спасения»; но это уже другая тема), озвучен призыв отделения «овнов» от «козлищ» (со сжиганием, к слову сказать, последних).

Может показаться странным, что здесь в одном ряду оказываются фашизм и иудаизм, коммунизм и христианство. Это ни в коем случае не свидетельствует о нашей попытке каким бы то ни было образом уравнивать все эти явления с этической точки зрения или, наоборот, выстроить иерархию – речь идет о своеобразной «структуре» любой глобальной идеологии, том, что лежит в ее основе, ее «архетипе». Нельзя не заметить, что логика моносистемы, какое бы внешнее выражение она ни принимала, неизбежно приводит ее к попытке утвердить именно себя как единственно истинную, при этом, соответственно, подавить (в самых разных формах) всех прочих претендентов на владение Истиной. Именно эту особенность моносистем отмечал один из самых выдающихся мыслителей XX столетия Бертран Рассел: «Единственным способом, с помощью которого общество смогло бы жить без насилия в течение какого-то времени, является установление социальной справедливости, а социальная справедливость любому человеку покажется несправедливостью, если он будет убежден, что он – превыше остальных. Справедливость в отношениях между классами сложно установить, если существует класс, полагающий, что он имеет право на большую долю власти и общественного богатства. Справедливость в отношениях между нациями возможна только при посредстве нейтральной силы, поскольку каждая нация верить в свою исключительность. Справедливость в отношениях между мировоззрениями и верованиями (*creeds*) – еще

более сложная вещь, поскольку каждое воззрение полагает, что обладает монополией на истину во всех аспектах».¹

Несмотря на то, что Андрей Платонов, естественно, не прибегал к этим словам, сущность понятий «моносистема» и «моносознание» была им угадана и выражена с потрясающей пронизательностью и художественной убедительностью, причем хронологически это совпало с размышлениями на эту тему ведущих западных философов того времени. Более того, если говорить о самом общем идейном плане «Котлована», то, как мы покажем в дальнейшем, одним из аспектов понимания пафоса повести может быть следующий: в «Котловане» Платонов проводит «испытание на жизнеспособность» актуальных для того времени форм монистического сознания с целью выяснения, в которой из них заключена Истина, и делает, как нам кажется, вполне определенный вывод, который в нашей работе будет сформулирован ниже.

Одним из главных вопросов, звучащих в «Котловане», — является вопрос, который в наиболее лаконичной форме был задан евангельским Пилатом Иисусу: «Что есть истина?» (как известно, ответом последнего явилось молчание). Но вряд ли можно найти другой вопрос, который бы так волновал человечество на протяжении всей его истории. Однако в те годы, когда создавался «Котлован», обращение к «вечным вопросам» было уделом избранных — в основном всех интересовали гораздо более конкретные проблемы. И, кажется, это было характерно, не только для молодой советской России, а для всех существующих на тот момент моносистем. Немецкий публицист Курт Тухольский в 1925 году с горечью отмечал: «На мировые вопросы не ищут ответа, их забывают. Великие проблемы не решаются, их оставляют втуне».²

Несомненно, что эти вопросы были крайне актуальны для Андрея Платонова, который, несмотря на очевидную опасность в те годы критической позиции, без устали говорил в своих произведениях о проблемах онтологического характера. Конечно, ничего, кроме раздражения, в ответ от тех, кто мог позволить себе напечатать отзыв, Платонов не слышал — публично хвалить опального автора было рискованно, хотя негласный авторитет автора «Сокровенного человека» среди знакомых с его творчеством писателей был достаточно велик (в этом отношении огромный интерес представляют материалы о писателе, которые поступали в органы безопасности; из них мы можем с большей достоверностью, чем из последующих воспоминаний, узнать, кто и что на самом деле говорил о Платонове³).

¹ Рассел Б. Искусство мыслить. М.: Дом интеллектуальной книги, 1999. С. 15.

² Тухольский К. Эссе и «обрывки» // Вопросы литературы. 1990. Август. С. 114.

³ Андрей Платонов в документах ОГПУ – НКВД – НКГБ. 1930 – 1945 // «Страна философов» Андрея Платонова: Проблемы творчества. Вып. 4. М.: Наследие, 2000. С. 848 – 884.

С вопросами о смысле жизни и истине у Платонова связан и другой — об оптимальных формах организации самой жизни. К моменту написания «Котлована» Платонов уже имел опыт художественного осмысления самых разных форм социальной организации действительности. Какие-то вызывали у него откровенную неприязнь, например, тотальная бюрократизация жизни страны («Город Градов»), какие-то — гораздо более сложные чувства (с грустью простился писатель с одной из своих юношеских иллюзий, которую воплотил в «Чевенгуре»). Неутешительные выводы писатель делал, обращаясь и к далекому прошлому («Епифанские шлюзы», «Иван Жох»). В «Котловане» Платонов также ставит этот вопрос, правда, речь здесь идет и о настоящем, и о вневременном, о конкретных и о вечных вопросах человечества. По словам Михаила Геллера, «реальным событиям, строго определенным временем и пространством, Платонов придает символический смысл, превращающий «Котлован» в единственное в литературе адекватное изображение событий, значение которых в истории страны и народа превосходит значение Октябрьской революции».¹

Мечтания об идеальном мироустройстве, как известно, всегда проистекали из очевидных противоречий реальности. Как правило, наиболее красочными утопические картины бывали в периоды наивысшего доминирования моносистем. Формироваться эти картины могли как на основе представлений о том, какова будет жизнь, обещанная идеологами моносознания (коммунизм, Царство Божие, нирвана и проч.), так и по принципу отталкивания, как реакция на очевидную невозможность моносистемы выражать интересы не одного (нации, класса, расы и проч.), а многого. Польский архитектор и историк Якуб Вуек пишет: «Безмятежный и счастливый остров Утопия! Чем труднее становились условия жизни, чем больше перемен приносила промышленная революция, тем чаще проявлялись личности, которые открывали все новые и новые острова в этом архипелаге грез, увлекали людей рассуждениями о счастливом человеке, лишенном жадности, зависти, злости в этом, как говорил Вольтер, лучшем из миров».²

Ситуация в жизни России конца 20-х годов была как раз одной из самых тяжелых в истории страны. Происходила коренная ломка устоев, всего уклада жизни — в первую очередь крестьянского, основного для страны. Вскоре после написания «Котлована» в советском государстве проявились и видимые последствия этого разрушения — страшный голод, настигший, в первую очередь, Украину, а также большинство районов центра России. К этой теме Платонов обратится в пьесе «Шарманка». В «Котловане» же в центре внимания автора будут не столько вопросы конкретных «неудач» или «достижений»

¹ Геллер М. Я. Андрей Платонов в поисках счастья. М.: Издательство «МИК», 1999. С. 267.

² Вуек Я. Мифы и утопии архитектуры XX века / Пер. с пол. М. В. Предтеченского; Под ред. В. Л. Глазычева. М.: Стройиздат, 1990. С. 55.

реальной жизни, сколько вопросы онтологического характера: что происходит с человеком в переломный период истории? Являются ли очередные преобразования – а по сути, грандиозный перелом («великий перелом»!) – путем если уж не ко всеобщему благоденствию, то хотя бы к благополучию и гармонии тех, ради кого и совершалась Октябрьская революция?

И, надо сказать, Андрей Платонов одним из первых среди писателей (да, пожалуй, и среди мыслителей) увидел очевидную бесперспективность претензий существующих на тот момент и актуальных для России моносистем на истинность и исключительность: ни одна из них не могла удовлетворить стремления человека к полноте бытия, вследствие своей изначальной методологической ограниченности. Писатель не рисует в «Котловане» альтернативных картин идеального мироустройства, однако настолько ярко показывает противоречия внутри современных ему моносистем. По известному выражению И. Бродского, при возможности трансформировать психическую энергию в физическую, «первое, что следовало бы сделать, закрыв данную книгу, это отменить существующий миропорядок и объявить новое время».¹

Любая моносистема всем своим членам предлагает (а чаще — навязывает) свои представления о мире, счастье, смысле и цели жизни. Однако, несмотря на пролетарское происхождение и очевидное приятие идеи коммунизма (как и все прочее – в своем, платоновском, варианте), автор «Котлована» не только заметил разницу между декларациями идеологов и реальными тенденциями эпохи (это в 20-е годы замечали многие – до тех пор, пока была хотя бы относительная возможность полноценной критики существующего режима). Платонов усомнился в гораздо более «крамольном» — в возможности достижения всеобщей гармонии в системе, основанной на принципе превалирования *классовых* интересов. Это не значит, что он призывал к возврату к прежним идеологическим структурам: несмотря на то, что писатель вырос в православной семье (глубоко верующим человеком была мать Андрея Платонова), он достаточно рано ощутил, что христианское начало также не в состоянии привести ко всеобщей гармонии – отсюда у него уже в молодости такой интерес к знаменитому «богоборцу» – Ф. Ницше. Платонов мечтал о совершенно иной форме организации жизни. В одном из набросков к ненаписанному роману автор «Котлована» записал: «Не Христос и Антихрист. Не среднее, а *другое* – не третье, а *другое* именно»² (курсив наш. – А. Б.). О том, что есть это другое, – сказать пока трудно. Несмотря на огромную работу, которую проделали

¹ Бродский И. А. Послесловие к «Котловану» А. Платонова // Бродский И. А. Сочинения. Том 4. СПб.: Издательство «Пушкинский фонд», 1995. С. 50.

² Творчество Андрея Платонова: Исследования и материалы. Библиография. СПб.: Наука, 1995. С. 151..

платоноведы, многое еще в писательском облике и социальных взглядах Платонова остается не вполне понятным.

Известно, что судьба самого Андрея Платонова, как и судьба его страны, глубоко трагична; трагизмом пронизаны и его лучшие создания. Сумрачный мир «Котлована» выразительно представляет взгляд писателя на мир в те годы, в котором оказались изгнанными Правда, Истина и Разум. В одном из стихотворений еще в начале 20-х годов Платонов говорит о направлении пути, на котором только и можно найти Истину. Это — интеллект, мышление, идущие «от сердца», «от души» — в противовес бездумной вере, априорному принятию постулатов моносистемы:

*Я вижу землю без любви,
Тяжелой думой нагруженную.
Гранитный шар земной мне душу раздавил
И высек мысль, сопротивленьем раскаленную.*

*В работе есть исход душе,
И мысль есть поцелуй вселенной,
Трава течет в тиши ржаных межей,
И облака вскипают белой пеной.*

*Ты — мысль! Бредущий странник против ветра.
И посох твой о путь не прогремит,
Ты слышишь ночь и песнь великого рассвета
И видишь высоту, где сила буйная звездой шелестит.¹*

(полужирный курсив наш.— А. Б.)

«Мысль, сопротивленьем раскаленная» — это можно сказать практически обо всех основных произведениях Платонова 20 — 30-х годов, в которых отразилось его беспокойство о судьбе за то «нечто любимое, потеря чего равносильна разрушению не только всего прошлого, но и будущего». В «Котловане» необходимость в первую очередь осмысления действительности заявлена уже с первых страниц: «Без думы люди действуют бессмысленно», — эти слова Вощева безусловно являются выражением и авторской позиции. В. Ю. Вьюгин, проанализировав различные варианты «Котлована», отмечает: «Слова «истина» и «мысль» в обычном словоупотреблении не обозначают тождественные понятия. А у Платонова, судя по первому абзацу рассматриваемого варианта

¹ Андрей Платонов. Воспоминания современников: Материалы к биографии / Сост.: Н. В. Корниенко, Е. Д. Шубина. М.: Современный писатель, 1994. С. 156.

[рукописного, хранящегося в Пушкинском Доме. – А. Б.], – обозначают».¹ Несмотря на «редукцию мотива истины», которую обнаружил исследователь при сравнении разновременных вариантов повести, эта тема не уходит – она требует лишь повышенного читательского и исследовательского внимания.² Именно при внимательном прочтении «Котлован» начинает открывать то невообразимое богатство смыслов, которое в нем заложено. И первое, что даст нам возможность сделать начальные выводы, – это рассмотрение формальной организации произведения, т. е., иначе говоря, изучение композиции и жанра повести.

¹ Вьюгин В. Ю. «Чевенгур» и «Котлован»: Становление стиля Платонова в свете текстологии // «Страна философов» Андрея Платонова: Проблемы творчества. Вып. 4. М.: Наследие, 2000. С. 619.

² См. об этом: Там же. С. 622.